

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
2015–2016 учебный год
Региональный этап

Первый тур

9 класс

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (НА ВАШ ВЫБОР) произведения.

Проза	Поэзия
Людмила Улицкая	Николай Моршен
Гвозди	Белым по белому

Людмила Улицкая

Гвозди

В то лето, когда родилась сестра Маша, Серёжу решили отправить в деревню – не к дедушке, как отправляли других ребят, а к прадедушке. Прадед жил в далёкой деревне, и добирались они с отцом сложным путём: сначала на поезде, потом на маленьком пароходе, потом долго шли пешком.

Только под вечер добрались они до деревни. По обе стороны неширокой улицы, заросшей низкой пушистой травой, стояли большие серые избы. Некоторые были заколочены. Посреди улицы медленно шли тонконогие кудлатые животные, про которых Серёжа сказал: чудные собачки!

Отец засмеялся:

– Овец не узнал! А вон пастух!

И указал на мальчишку чуть постарше Серёжи, босого и в тёплой шапке. И это тоже было чудно.

Изба, в которой жил прадед, стояла на краю деревни. Когда они вошли, Серёжа замер – у него была книжка русских сказок, в которой всё было точно так нарисовано: с русской печи свисал овчинный тулуп, который надевал сказочный Старик перед тем, как вести свою бедную дочь в лес к Морозко, и даже ухват стоял на том самом месте, что и на картинке. И запах был особенный, на всю жизнь запомнившийся: старой овчины, закваски, яблоч, лошадиной сбруи и другого, незнакомого... запах, которого больше нет на свете...

Две старухи набросились на отца, целовали, плакали, спрашивали. До войны, подростком, он тоже у них гостил.

Поцеловали и Серёжу. Одна старуха была ничего, вторая страшная и очень худая и совсем без зубов.

– Это, Серёга, тётушки мои, Настасья и Анна, – сказал отец, – твоего дедушки сёстры. Так что тебе они вроде бабушки...

«Есть у меня бабушка!» – подумал Серёжа с тоской, сразу вспомнил свою красивую завитую бабушку, мамину мать, которая работала бухгалтером в театре и часто водила его на детские спектакли. Он скривился, но ничего не сказал.

Отец вытаскивал из рюкзака гостинцы – одна бабушка сильно радовалась, а вторая заплакала.

«Наверное, боится, что та все подарки заберёт», – подумал Серёжа и подёргал тихонько отца, хотел сказать, чтоб отец сам разделил, а то худой не достанется. Сергей был человек справедливый и во дворе приучен к честной делёжке. Но отец от него отмахнулся:

– Потом, потом... – и всё вытаскивал свои свёртки.

И тут вошёл прадед. Он был большой и походил на некрасивого медведя. Старухи сразу притихли, а одна из них сказала:

– Батя, вот Виктор приехал, Ивана сын.

Они поцеловались.

– В нашу породу вышел, – глухим голосом сказал прадед, – парнишком-то мелким был.

Серёже показалось, что отец робеет.

Старухи засуетились, поставили на стол большой тёмный хлеб, ложки и зелёный таз, который называли «чашкой».

На Сергея никто внимания не обращал, но скучно ему не было. Он тихонько разглядывал множество незнакомых вещей. Удивительное дело: здесь и знакомые вещи имели какой-то другой, новый вид – ложки были деревянные, а подушки были одеты в красные и цветные наволочки, а не в белые, как дома.

Нестрашная старуха крошила в таз зелёный лук, огурцы и картошку, вторая откуда-то принесла решето с яйцами. Солома торчала из решета – как на картинке про Курочку Рябу...

Пришли трое ребят: две девочки постарше Серёжи и мальчик, по виду ровесник или помоложе.

– Вот твоя компания будет, – сказал отец. – Это твои троюродные.

Их звали Маринка, Нинка и Митька.

Серёжа удивился – он и не знал, что у него столько родни.

Сели за стол. Посреди стола стоял таз с каким-то коричневатым супом, но тарелок не было, только ложки и большой, раскатистый, как пирог, хлеб. Прадед перекрестился и зачерпнул ложкой из общей миски, а за ним и все по очереди.

– Ешь, – шепнул отец. – Это окрошка.

Все как-то ловко зачерпывали, ни у кого на стол не капало, даже у Митьки.

Прадед спрашивал отца про завод, про жизнь. Отец отвечал и на Серёжу не глядел. А Серёжа сидел, вертел кусок хлеба и удивлялся, как это они едят из одного тазика.

Вдруг страшная старуха, которую звали Анна, взяла белую глубокую тарелку, налила в неё из общей посуды немного и поставила перед Серёжей:

– Ешь, милоч, ты по-городскому привык, – шепнула она ему беззубым ртом.

Девчонки хихикнули, мальчик фыркнул.

Перед ним стояла белая тарелка – все остальные ели из общей, и неожиданно Серёже это показалось очень обидным. А отец сидел, ел и ничего не замечал. Слёзы подкатывали к горлу и готовы были вот-вот потечь.

– Что не ешь-то? Ан не нравится? – спросила старуха.

– Нравится, – прошептал Серёжа.

Слёзы сами собой потекли. Он понял, что хочет есть из зелёной миски, как все. Но было уже поздно.

Никто на него не смотрел. Он отодвинул белую тарелку и потянулся к общей миске. Суп был холодный, кислый, и в ложке плавал зелёный лук, которого Серёжа не ел.

Потом поставили на стол большую яичницу и варёную картошку. Это была привычная еда, Сергей поел её. Старуха Анна отвела его спать на другую половину, на большую высокую кровать с разноцветными подушками.

Он лёг и подумал, что ни за что здесь не останется.

Наутро, когда он проснулся, оказалось, что отец уже уехал. Об этом сказала Анна, которую он всё не мог назвать бабушкой. Она дала ему молока, кусок давешнего большого хлеба и велела идти гулять. Ребята уже ушли.

Сергей вышел из избы. Он обошёл её кругом, она оказалась очень большой, с пристройкой, и поодаль ещё стоял сарай. Дверь была открыта, и он заглянул. Там никого не было. Стоял верстак, над ним висели разные инструменты: рубанки, молотки и ещё много разных железных вещей, которым Серёжа не знал названия. Под верстаком стоял ящик. В нём по гнёздам были разложены гвозди разной величины. Сергей взял средний, длиной с мизинец, взял молоток и стал искать, куда бы его забить.

Он сел у порога, высыпал гвозди кучкой у ног и начал их забивать в порог. Он промахивался, бил по пальцам, гвозди гнулись. Потом дело пошло лучше...

И вдруг почувствовал, что он не один. Рядом с ним стоял прадед и смотрел на него. Серёжа испугался. Ни слова не говоря, прадед взял из рук молоток, несколько гвоздей и ровно и легко всадил их рядом с Серёжиными.

– Рукоять за конец держи, – глухим голосом сказал старик, – а гвоздь так ставь. Бей в один удар! – и Серёжа понял, что он не особенно сердится.

Он взял молоток, как велел старик, и долго ещё вбивал гвозди. Пока весь порог не забил. Потом встал и хотел было идти. Прадед строгал рубанком доску, но тут он отложил рубанок, дал Сергею тяжёлую изогнутую железяку с раздвоенным заострённым концом и сказал:

– Вот гвоздодёр возьми! Теперь вынь гвозди-то! Гвоздь на дело нужен. На что он там?

Серёжа взял гвоздодёр двумя руками... И снова дед встал на колени, отобрал у него гвоздодёр и показал, как надо держать. Пальцы у деда были огромные, руки тёмные, ногти толстые и бурые, как старый картон.

«Такими пальцами можно и без клещей гвозди тащить», – подумал Серёжа.

Он долго пытался подцепить гвоздь, тот не поддавался. С тоской смотрел он на блестящую дорожку шляпок, которые ему предстояло вытянуть. Он понимал, что попался в ловушку. Прадед подошёл, легонько ударил молотком по обушку гвоздодёра, и он плотно обнял шейку гвоздя.

– Нажимай! – сказал прадед, и Сергей двумя руками нажал на рукоять вниз.

Гвоздь, поколебавшись, дрогнул, и полез вверх, и просто-таки выпрыгнул легко и радостно, как будто сам только того и хотел... и только под самый конец пришлось его чуть-чуть поддёрнуть... И явился на свет.

С другим так ловко не получилось – шляпка отлетела. Дед мельком взглянул и сказал своим глухим голосом:

– Гвоздь береги.

Сергей принялся за третий. Прадед дал коробок и велел складывать туда. Так он тягал и тягал, пока не позвали...

После обеда прадед куда-то ушёл, а Серёжа решил спрятаться. Он залез на чердак. Там было пыльно и таинственно, но не вытянутые из порога гвозди томили его, и он слез с чердака и пошёл в сарай.

Потом опять пришёл прадед, посмотрел на Серёжину работу и ничего не сказал. Пальцы все были побиты и болели, уйти почему-то было невозможно.

«Вбивал пять минут, – сердился неизвестно на кого Сергей, – а вытаскивать сто часов».

До самой темноты он возился с гвоздодёром и клещами и, наконец, все гвозди, гнутые

и битые, лежали в коробке. Он отдал коробок прадеду, тот поставил его на верстак и сказал:

– Пошли в избу...

Сергей был собой доволен, хотя прадед его не похвалил.

Наутро он встал рано. Босые девчонки и Митя шлёпали по избе. Сергей застёгивал сандалии и думал, как бы ему за ними увязаться, но тут в избу вошёл прадед и сказал:

– Идём со мной, Сергей.

Сергей удивился, но пошёл.

Прадед повёл его в сарай. Там, на верстаке всё ещё стоял коробок со вчерашними гвоздями. Прадед взял кусок железа размером с книжку, но поуже, положил его на высокий чурбак, вынул двумя пальцами кривой гвоздь и начал по нему легонько постукивать молотком. Гвоздь выпрямился и засверкал свежим блеском.

– Вот так и будешь делать, – сказал прадед.

Сергей обомлел.

«Эта работа на всю жизнь», – подумал он. Взял молоток, слегка тюкнул. Гвоздь повернулся на другой бок. Он крутился с боку на бок, как живой. Сергей промахнулся, ударил по пальцу...

Прадед хмыкнул.

– Легче держи!

И Сергей, сжав губы, чтоб не заплакать, всё тюкал и тюкал... Долго не получалось, а потом вдруг сразу всё сделалось как само собой – гвозди стали послушными.

Когда работа была закончена, он поставил коробок на верстак. Дед взял его и положил в ящик, под верстак, потом распрямился и сказал:

– В курятнике две доски надо поменять. Пошли, поможешь мне...

В то лето Сергей так и не сдружился со своими троюродными. Он ходил за стариком и делал с ним всякую работу: столярную, по дому, на пасеке... Под самый конец лета деду привезли на телеге доски. Сгрузили возле сарая. Дед долго их оглядывал, кряхтел, качал головой. Потом позвал Сергея – в помощь. Сначала старик долго правил железок рубанка, потом разводил старую пилу, а когда инструменты приготовил, начал работу... Серёжиной помощи не надо было, но прадед его не отпускал, всё давал поручения... Перед самым Серёжиным отъездом работа была закончена – это был большой длинный ящик с крышкой.

Троюродный брат Митька в последний день спросил:

– А на похороны приедешь?

– На какие похороны? – удивился Серёжа.

– Так прадед помирать собрался, гроб-то на что он строил?

«Вот оно что, деревянный ящик был гроб!» – сообразил наконец Серёжа.

На другой день приехал отец забирать Серёжу. Прадед показал ему гроб в сарае, а отец сказал, что матерьял очень хороший...

В следующее лето Сергей снова приехал в деревню. Но в это лето было всё по-другому. Он сошёлся со своими троюродными, ходил с ними на речку, в лес за ягодами. В сарай он зашёл только один раз – на верстаке стоял коробок с гвоздями, которые он в то лето правил. А прадеда уже больше не было.

2001

Николай Моршен

Белым по белому

Зима пришла в суровости,
А принесла снежновости.

Всё поле снегом замело,
Белым-бело, мелым-мело,
На поле снеголым-голо,
И над укрытой тропкою,
Над стёжкой неприметною,
Снегладкою, сугробкою,
Почти что беспредметною,
Туды-сюды, сюды-туды
Бегут снегалочки следы,
Как зимниероглифы,
Снегипетские мифы.

В лесу дубы немногие,
Снеголые, снежногие.
Висят на каждой ёлочке
Снегвоздики, снегопочки.
И снеголовая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снеграфика. Снеготика.

После 1971